

Допросить своими силами чиновников теперь, когда в любой момент они могли убить себя, больше не было возможности: Пятый принц и господин Ли решили отдать их в императорские застенки, где обученные люди удалили бы капсулы с ядом и разговорили преступников — оставалось лишь надеяться, что они расколются раньше, чем Император решит поверить их клевете. Фу Ичжэнь и даосы с пленниками отправились к городским воротам, где был ближайший ночной караул, а Ли Инчунь в одиночестве вернулся к благовонной лавке.

Шел он чуть дольше, чем должен был: отчасти из-за хромоты, отчасти из-за странного чувства, поселившегося в душе. Наравне с пробудившими тревогу давними воспоминаниями, господин Ли ощущал умиротворение, и лишь через время он смог понять, с чем оно связано. Впервые больше, чем за три года Ли Инчунь один, без сопровождающих гулял по городу — шел туда, куда был волен. Необычность этого положения вкупе с его простотой на время будто оглушили юношу, и он забыл даже наслаждаться прогулкой, медленно бредя по пустынным улицам и вслушиваясь в скрип посеребренной снежным песком дороги под своими ногами.

У дверей благовонной лавки он остановился и поднял взгляд к темному, словно чернила, небу. Казалось, кто-то весь город накрыл черным горшком — не видно было ни очертаний облаков, ни возвышающегося над столицей дворца Императора, и весь мир словно сжался до улицы, на которой не было ни души. От ночного холода лицо господина Ли покраснело, но глаза оставались мутными и задумчивыми, словно давно не знавший солнечного света камень.

Неизвестно, сколько бы еще Ли Инчунь так простоял, если бы за дверью благовонной лавки не раздались аккуратные шаги. На миг после этого воцарилась тишина, словно подошедший заглядывал в щелку двери, а после тяжелая створка открылась, и на улицу высунулось бледное лицо взволнованной Яньлинь.

— Господин, как вы меня напугали! — свистящим шепотом сказала она. — Сначала слышу — шаги, а потом тишина. Выглядываю — а вы стоите спиной, совсем не двигаясь! Я чуть души не лишилась, думала уже, что пожаловал призрак!

— До призрака мне еще далеко, — отозвался Ли Инчунь и зябко повел плечами. Очарование тишины покинуло тихую улицу и вслед за Яньлинь господин Ли поспешил зайти в лавку, подальше от ставших почти родными темноты и холода.

В главном зале не горели свечи, но Яньлинь быстро провела Ли Инчуня в дальнюю комнату, где было светло илюдно. На миг яркие фонари ослепили господина Ли и он прищурил глаза, а, раскрыв их, к своему удивлению увидел необычную компанию. По разные стороны маленького столика с нетронутыми закусками сидели на широких кушетках госпожа Ван, по своему обыкновению облаченная в тяжелые темные одежды, и Мин Цзе. Молодой человек явно чувствовал себя некомфортно, ерзал и поглядывал на госпожу Ван нечитаемым взглядом. Неизвестно, о чем эти двое говорили, когда Яньлинь отошла, но с ее возвращением в комнате воцарилась тишина.

Впрочем, за плечом девушки очень быстро Мин Цзе заметил господина Ли и воскликнул с явным облегчением:

— Инчунь! Вы уже вернулись? Как все прошло?

Госпожа Ван взглянула сначала на Мин Цзе, затем на господина Ли, и сказала:

— Эта служанка не знала, что молодые госпожа дружат.

— Мы знакомы, но не более того, — решительно откестился от подобной дружбы Ли Инчунь и,

словно еще более хотел отказаться от всякой связи с Мин Цзе, сел на кушетку на стороне госпожи Ван, устало вытянув раненую ногу. Юноша по другую сторону вздохнул:

— О нашем знакомстве ты вспоминаешь лишь когда тебе что-то нужно!

— В самом деле? — ничуть не смущенный, ответил господин Ли и тут же покачал головой. — Насколько же толстой кожей надо обладать, чтобы говорить это теперь, когда я всеми силами помогал милой тебе девушке.

Мин Цзе тут же вспомнил, зачем он явился сюда, и всякая обида пропала из черт его простого лица. Подавшись вперед, он нетерпеливо спросил:

— И что же? Вы разобрались? Кто хотел Яньлинь зла? Что с ними стало?

— Один мертв, пятеро переданы императорским гвардейцам, — не стал тянуть Ли Инчунь. Госпожа Ван от его резких слов вздохнула и прижала ко рту одетую в черную перчатку руку, а Яньлинь так и вовсе испуганно вздрогнула всем телом. Ли Инчунь поглядел на нее, словно решал, стоит ли подобные ужасы рассказывать молодой девушке, но все же продолжил: — С собой у них был жетон варварских племен. Вероятно, они хотели подложить его в одежды Яньлинь и выставить все так, будто она была еще одним лазутчиком.

— Как такое вообще!.. — возмущенно воскликнул Мин Цзе, но больше сказать не решился. То ли от злости, сузившей его глаза и выражение лица сделавшей жестким он не мог подобрать больше слов, то ли при Яньлинь и госпоже Ван не решился браниться. Ясно было, что, найдя труп Яньлинь его непременно связали бы со ставкой Третьего принца, а виновен в том, что подверг девушку опасности, был лишь Мин Цзе — что он должен был сказать? Густые брови юноши сошлись над переносицей, а из-за полутьмы, в которую погружена была комната, разглядеть выражение его глаз стало невозможно.

Яньлинь побледнела, словно полотно, и отступила к стене, будто в попытке на что-то опереться. Ноги ее дрожали:

— Что?.. Я?.. — не веря своим ушам, спрашивала она.

Видя состояние своей работницы, госпожа Ван позвала ее мягким голосом:

— Яньлинь, все в порядке. Здесь тебя никто не тронет.

Услышав голос госпожи Ван, девушка спешно подошла к ней, словно в лице хозяйки видела свое единственное утешение. Госпожа Ван взяла дрожащие ладони Яньлинь в свои руки и, заглянув ей в глаза, сказала:

— Сегодня останешься в моем дворе, а завтра я отправлю тебя на время подальше от столицы.

— Пойдите, но так нельзя!.. — начал было Мин Цзе, в миг от этих слов будто очнувшись, но госпожа Ван бросила на него строгий взгляд.

— Боюсь, это не вам решать, — твердо сказала она и поднялась со своего места. Женщина взглянула на господина Ли и взгляд ее в один миг стал куда более мягким: — Вы можете говорить здесь столько, сколько потребуется, а нам пора. Эта ночь была длинной, и Яньлинь нужно отдохнуть.

— Не тяните с ее отъездом, — вместо прощания сказал господин Ли. — На завтрашнем

собрании нам придется все рассказать Его Величеству, и он может пожелать задержать девушку, чтобы узнать от нее больше.

— Н-но я ничего не знаю... — испуганно пролепетала Яньлинь, и госпожа Ван успокоила ее:

— Не бойся, никто с тебя ничего спрашивать не станет.

Выходя из комнаты, госпожа Ван все продолжала тихим, глубоким голосом успокаивать девушку, держа ее за руку. Ли Инчунь проводил их взглядом до дверей, а потом взглянул на Мин Цзе, что после резких слов госпожи Ван закрыл рот — но выглядел непримиримым. Господину Ли понятна была его задумчивость, но он не стал поощрять чужое молчание. Юноше хотелось все же знать, отчего некто нацелился на Яньлинь — но прежде, чем Ли Инчунь открыл рот, заговорил Мин Цзе:

— Нельзя позволить ей уехать! — сказал он свистящим шепотом. Господин Ли изогнул бровь:

— Отчего?

— Если она уедет сейчас, ей никогда больше не вернуться в столицу! — отозвался Мин Цзе. — Я же в свою очередь обязан быть подле Третьего принца, и тоже не смогу...

— Так она не должна уезжать, потому что ты не хочешь ее отпускать? — спросил Ли Инчунь и молодой человек напротив на миг замер. Он был невысокого роста, и костям его пока только предстояло окрепнуть, лишившись юношеской хрупкости, но говорил Мин Цзе с уверенностью, что больше подошла бы прожившему целую жизнь чиновнику. Вздохнув, он рассказал:

— В прошлой жизни Яньлинь была моей женой. Мы познакомились с ней случайно, через несколько лет встретились снова и с тех пор не разлучались. Здесь я немного поторопил события, но все же истина неизменна: мы любим друг друга и должны быть вместе!

Господин Ли сложил на коленях руки:

— О какой любви идет речь? Она тебя едва знает, да и ты...

— Пусть, у нас много времени, — непримиримо отозвался Мин Цзе, тряхнув головой. — Мы предназначены друг другу, потому хоть в этой жизни, хоть в сотне следующих станем супругами! Должно быть, все это дела хоу: лишь он знает, как мне дорога жена. Этим он хотел вывести меня из себя!

— Он хотел ее убить, — заметил Ли Инчунь, но Мин Цзе отмахнулся:

— В прошлой жизни она прожила со мной много лет, с чего ей теперь умереть молодой? Хоу просто проверяет меня: кажется, он догадался, что я тоже помню все... Инчунь, что же мне с этим делать?

Господин Ли возможно впервые с того момента, как добродетельный господин Фэн вызволил его из двора Персикового цветения, испытал желание не отвечать на чужой вопрос, и вовсе не говорить с человеком перед собой. Для Мин Цзе то была вторая жизнь, он был уверен в словах, которые говорил, и выводах, которые делал — но именно эта уверенность в груди Ли Инчуна будила отвращение.

Ведь как можно в изменчивом мире быть уверенным хоть в чем-нибудь? Конечно, с рассветом на востоке встанет солнце, а с закатом оно опустится сонно в лоно запада — но можно ли

судить о чужих мыслях, намерения и чувствах с той же уверенностью? Хоть внутренний двор богатой семьи, хоть императорское собрание — все они состояли из слов откровенных, что говорили без страха в лицо, из намерений, которые открывали только союзникам, и собственных глубинных чаяний, в которых даже себе порой невозможно было признаться. Господин Ли не жил долго и, за всем своим напускным высокомерием, многого не видел, но понимал уже сейчас, что уверенность в чем-то легко превращается в глупость.

— Я не тот человек, что должен советовать господин Мину, — сказал через время Ли Инчунь, когда молчать дальше было уже нельзя. — Однако главное, что сейчас нужно сделать для защиты Яньлинь — позволить ей уехать подальше от столицы.

— Говорю же, она моя жена...

— Нет, — отрезал господин Ли. — В этом мире она незамужняя барышня, и останется такой же, еще и мертвой — если вы не позволите ей уехать.

— Если она уедет, как же мне добиваться ее расположения? — нахмурился Мин Цзе.

— Никак, — просто отозвался Ли Инчунь. — Вы ее расположение уже давно потеряли, она не хочет иметь с вами дел.

— Нет, это неправда...

— Правда, — безжалостно прервал господин Ли. Мин Цзе поднял на него взгляд, наливающийся раздражением и сказал снова:

— Мы любим друг друга...

— Вы любили друг друга когда-то, а теперь она вас не знает, и боится внимания к себе. Если вы любите и уважаете ее, то отступитесь.

Мин Цзе нахмурился глубже. Слова другого человека звучали правильно, но от звуков его голоса душа юноши ныла, словно покрыта была открытыми ранами. Мин Цзе в самом деле не понимал, что должен ответить теперь: он жил с Яньлинь под одной крышей большую часть жизни, он знал ее лучше, чем узнал бы когда-нибудь кто-то иной, и быть с ней для него было так же естественно, как и дышать. Но как объяснить это другому человеку?

Мин Цзе не успел ничего сказать: дверь в комнату неожиданно открылась и на пороге показался Пятый принц в сопровождении белобородых даосов. Переодеваться Фу Ичжэнь не стал: лишь накинул поверх женского платья черный плащ. Скрывала плотная ткань яркие узоры, однако, недостаточно хорошо, потому вопросов вид принца вопреки его желанию все еще вызывал достаточно.

Господин Ли не удержался, сказав:

— Барышня, негоже ночью разгуливать одной в таком виде. Какой-то негодяй может задумать украсть вашу красоту.

— Не страшно, — отозвался Пятый принц, проходя в комнату. Небрежно распахнув плащ, он без всякого стеснения уселся на хозяйское место и вольным жестом приказал даосу Чжунчу знак подать ему воды. Даочжан тут же бросился исполнять приказание, а Фу Ичжэнь смерил шурящего словно сытый кот глаза господина Ли долгим взглядом и продолжил: — К тому же в обычное время я общаюсь с такими проходимцами, что уличные воришки мне уже не страшны.

— А, Ваше Высочество, это вы, — сказал Ли Инчунь, в притворном удивлении приподняв брови.
— Ваша маскировка так хороша, что я не узнал вас сразу. Видимо это и есть знаменитое искусство перевоплощения мастеров цзянху.

Пятый принц поморщился. Да, в ночной темноте, человеку нервничающему от сложного дела спутать его с девушкой было бы несложно, в остальном же его маскировка была совсем плоха. Талисман с лица Фу Ичжэнь снял, наскоро подшитое платье на его груди явно расходилось и, кажется, ткань даже тихо потрескивала, когда принц делал особенно размашистые движения; на подоле осталась дыра, случайно поставленная в драке; да и сама юбка едва ли скрывала щиколотки принца. Если его и можно было спутать с девушкой, то с небывало нескладной и небрежной!

— Это только маленькая часть того, что я могу, — ответил Фу Ичжэнь с виду небрежно, но в голосе его на миг показались упрямые нотки, какие бывают у детей, когда они что-то для себя твердо решили. Господин Ли этой горячности лишь усмехнулся, довольный собственной шуткой.

Мин Цзе сидел на своем месте, не смея вмешаться в разговор. В прошлой жизни он не был хорошо знаком с Пятым принцем, знал его лишь как праздного повесу — потому никогда не подумал бы, что он решится проворачивать подобные дела с Ли Инчуном. Юноша не знал, как говорить с Его Высочеством, потому предпочитал молчать, вслушиваясь в его слова и всматриваясь в действия в стремлении понять, как ему себя лучше подать.

Фу Ичжэнь замечал эти осторожные взгляды с точностью, с какой пуганая птица слышит легкий охотничий шаг. Переведя на Мин Цзе взгляд, Пятый принц спросил:

— А что господин Мин тут делает? Госпожа Ван, насколько известно этому принцу, вас не жалует, а господин Ли сказал в это дело пока не влезать. Неужели вы нашли какие-то новые улики и поспешили сюда, чтобы нам их сообщить?

— Нет, — вынужденно замявшись, ответил Мин Цзе. Он хотел сказать что-то еще, но тут раздался тихий, но удивительным образом привлекающий к себе слушателей голос господина Ли:

— Ваше Высочество проницателен, но не сегодня, — сказал он и, не дав Фу Ичжэню поспорить, продолжил: — Господин Мин пришел сюда из-за искреннего волнения за Яньлинь и, конечно же, за благополучие Ваше Высочества, взявшего на себя исполнение этого рискованного плана.

— Какой преданный подданный! — улыбнулся Пятый принц, безупречно подыгрывая веселящемуся господину Ли. Тут же он похлопал себя по одежде: — Традиции учат нас, что верность должна вознаграждаться. Сейчас у меня с собой нет ничего, чем я мог бы отплатить тебе, но вот! — Фу Ичжэнь с довольством оторвал с подола своего платья декоративную зеленую ленту и передал ее стоящему рядом даосу Яну. Тот, не меняя выражения лица, двумя руками передал ленту поджавшему губы Мин Цзе. — Носи с гордостью, как выражение моего уважения!

— Скорее, повяжи ее себе на пояс, — шепотом, но все же достаточно громко, чтобы слышал каждый в комнате, сказал господин Ли. — Это проявление расположения сына Императора — от такого нельзя отказаться!

Мин Цзе это, конечно же, знал, но все же, повязывая пестрящую паутинкой тонких нитей с одной стороны ленту на свой пояс, едва мог сдержать обиженного выражения. Часто

аристократы и богатые люди дарили что-то со своего плеча верным слугам или черни, но обычно-то такие господа ходили в мужских одеждах! Женская же лента, повязанная на пояс мужчины, могла означать, что у него есть избранница, вещь которой он бережно хранит — с такой лентой приходящему на встречи с Яньлинь Мин Цзе пришлось бы тяжело.

Но сказать он все же ничего не посмел, молча позволив двум бесстыдным людям над собой издеваться. Натянув на лицо улыбку, Мин Цзе ответил:

— Благодарю Ваше Высочество за оказанную милость... — и сразу же постарался перейти к делам, пока Пятый принц и Ли Инчунь еще что-то не придумали. — Ваше Высочество, я действительно ослушался просьбы господина Ли и пришел сюда, но лишь из-за волнения за Яньлинь. Я говорил Инчуню до вашего прихода...

— Господин Мин утверждает, что в прошлой жизни девушка была его законной женой, — сказал господин Ли. Он переглянулся с Фу Ичжэнем и молодые люди словно без слов поняли друг друга.

— Так, — кивнул Пятый принц Мин Цзе, словно внимательно его слушал. Юноша на миг смешался, но тут же продолжил:

— Мы с Яньлинь любим друг друга и вскоре снова поженимся, такова судьба. Однако Инчунь и госпожа Ван думают, что Яньлинь лучше уехать из города пока суматоха не уляжется. Я не могу с этим согласиться.

— Ах, подобные сложные ситуации всегда меня утомляли, — воскликнул Пятый принц, опустив голову на согнутую руку. Мгновение по сидел так — выглядя словно несущая плакальщица на похоронах, — а после поднял голову и улыбнулся. — Господин Мин, этот принц не так хорош в политике, как Третий брат, потому мне понадобится ваша помощь, чтобы разобраться. Ответьте односложно, чтобы я не запутался еще более: Яньлинь хочет уехать?

Мин Цзе поерзал на месте, но ни одной чертой лица не выдал раздражения от никчемности сидящего перед ним принца. Юноша ответил:

— Да.

— И вы против того, желаете, чтобы она осталась?

— Это так, Ваше Высочество.

— Но она не ваша жена сейчас, не сестра и не иная родственница?

— Нет, но...

Пятый принц картинно взмахнул руками и на своем красивом лице соорудил самое непонимающее выражение из всех, на которые был способен.

— Так отчего она должна вас спрашивать? — воскликнул он. Тут же, посмотрев на Ли Инчуня, Фу Ичжэнь сказал: — У Яньлинь нет в столице родственников, а приглядывает за ней госпожа Ван, потому она пусть и решает. Если она считает, что девушке лучше уехать, то пусть так, госпожа лучше нас понимает в делах!

— Пойдите Ваше Высочество, — не унимался Мин Цзе. — Она — моя жена...

— Сейчас — нет, — отрезал Пятый принц и веселость, что искрами плясала в его глазах, на миг отступила в глубину черных, словно смоль, зрачков. — И не станет ею, если вы продолжите верить в такие бесполезные вещи, как судьба, — тут же Фу Ичжэнь улыбнулся вновь, легкое выражение вернулось на его лицо и он вздохнул. — За всей этой беготней и арестами я совсем умаялся, а уже через большой час нужно идти на прием к Императору и докладывать ему о случившемся... Господин Мин, ступайте к Третьему брату. Расскажите ему все о прошедшей ночи и предупредите, что кто-то нацелился на него. — Едва Мин Цзе хотел возразить, как Пятый принц, словно в самом деле глубоко обеспокоенный судьбой Третьего брата, принялся восклицать: — Какую нужно иметь наглость, чтобы в самом деле учинить подобное! Уверен, отец-Император будет в ярости! И это перед празднованиями Нового года!..

Мин Цзе пришлось смириться и уйти. Тут же господин Ли кивнул даосу Яну:

— Ступай к госпоже Ван и скажи ей, что пора. Яньлинь нужно увезти сейчас же, иначе потом может быть поздно.

Расслабленная атмосфера, что окутала было комнату от бессмысленной болтовни Фу Ичжэня, быстро рассеялась, как рассеивается с рассветом ночной мрак. Ли Инчунь, взглянув на принца, усмехнулся:

— Так Ваше Высочество не верит в судьбу?

— Заклинатели идут против порядка неба и земли, отчего бы мне и остальные порядки не попороть? — отозвался Фу Ичжэнь. Вздохнув, он добавил: — Бессмыслица это все. Только люди творят то, что с ними происходит.

— Вот как... — протянул господин Ли, задумчиво подняв взгляд. Поза его оставалась правильной и ровной, чуть напряженной, но в этот момент он позволил себе расслабить плечи и игривой дымке застлать ясность взгляда. Пятый принц спросил:

— А что, вы в судьбу верите?

— Не особо, но как раз хотел сказать, что наша встреча определенно уготована ею... — Ли Инчунь посмотрел на Фу Ичжэня и усмехнулся. — Но забудьте: буду считать, что это просто результат некоторых решений некоторых людей.

Пятый принц не знал, что ответить. Отчего-то именно в этот момент после всех лет, когда он винил несчастливую судьбу во всех своих злоключениях и считал, что лучше вовсе не иметь начертанного предназначения, Фу Ичжэню захотелось случайную встречу назвать предначертанной судьбой: а оттого, конечно же, никогда не расставаться.

Маленький театр:

Пятый принц: Ох, господин Мин, раз уж мы заговорили о прошлой жизни!.. Мне так любопытно, и лишь вы можете ответить: каков я был в том мире? Достиг ли влияния? Развил свои навыки?

Мин Цзе: Ваше Высочество, я не был близко знаком с вами, но одно могу сказать точно...

Мин Цзе: *шепотом* вы были таким же никчемным...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1736273>